

тики предлагается рассматривать в рамках науки энергетического права [8], которое, по сути, представляет собой правовую матрицу, синтезирующую нормы различных отраслей права (как частного, так и публичного)» [9].

В настоящее время, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь регулирование топливно-энергетического комплекса имеет несистемный характер и характеризуется отсутствием нормативного правового акта, который устанавливал бы основные принципы и подходы к регулированию отношений в этой сфере.

Список использованной литературы

1. History of modern oil industry, Ekt Interactive. URL : <https://ektinteractive.com/history-of-oil/> (дата обращения: 18.09.2021).
2. Коваленко Н.П. Глобальный рынок углеводородных ресурсов: место на нем российских компаний нефтегазового комплекса // Дискуссия. Журнал научных публикаций. Экономические науки. 2015. № 7. С. 51–58.
3. Бондаренко Н.Л. Понятие и критерии эффективности гражданского законодательства // Тенденции развития права и экономики в XXI века: матер. всерос. научн.-практ. конф. Пермь, 2016. С. 5–8.
4. Фазельянов Э.М. Глобальная энергетическая безопасность // Восточная аналитика. Экономика и бизнес. 2020.
5. Намятова Л.Е., Волжанина М.Н. Сырьевая составляющая энергетики XXI века в мировом масштабе // Дискуссия. Журнал научных публикаций. Экономические науки. 2011. № 5. С. 32–43.
6. Шульгинов Н.Г. Не надо спешить расставаться с углеводородами, надо наравне с традиционными углеводородами развивать ВИЭ // Журнал Энергетическая политики. 2021. № 5. С. 5–13.
7. Правительства Беларуси и России одобрили 28 союзных программ (10.09.2020) // Белорусское телеграфное агентство. URL: belta.by (дата обращения: 19.09.2021).
8. Каменков В.С. Понятие энергетического права // Энергетическая стратегия. 2015. № 1. С. 66 – 70.
9. Яковлев В.Ф. Правовое регулирование топливно-энергетического комплекса России // Энергетика и право : Выпуск 2 / Под ред. П.Г. Лахно. М., 2009.

Информация об авторе

Кришталь Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры хозяйственного права и правового регулирования хозяйственной деятельности. Белорусский государственный университет (220006, г. Минск, ул. Ленинградская, 8, e-mail: krishtalds@gmail.com).

УДК 347.459
ББК 67.404

О.А. Кузнецова,
доктор юридических наук, профессор
Пермский государственный национальный
исследовательский университет;
Пермский институт ФСИН России

ИСКЛЮЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХРАНИТЕЛЯ

В статье рассматриваются три основания для исключения гражданско-правовой ответственности профессионального хранителя за утрату, недостачу или повреждение вещи, а именно: непреодолимая сила; свойства вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать; умысел или грубая неосторожность поклажедателя. Сделан вывод о том, что эти обстоятельства устраняют не вину хранителя, а противоправность его поведения. Анализируется судебная практика применения оснований исключения ответственности профессионального хранителя.

Ключевые слова: договор хранения; гражданско-правовая ответственность; исключение гражданско-правовой ответственности; профессиональный хранитель.

Гражданско-правовая ответственность возникает при наличии четырех условий (состава гражданского правонарушения): противоправного поведения должника, наличия вредных последствий, причинно-следственной связи между поведением и последствиями и вины. Отсутствие хотя бы одного из указанных условий исключает ответственность. Однако профессиональный хранитель, являясь субъектом предпринимательской деятельности, отвечает без вины до пределов непреодолимой силы: как согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ, так и на основании абз. 2 п. 1 ст. 901 ГК РФ.

Есть два существенных отличия ответственности профессиональных хранителей от ответственности других субъектов предпринимательской деятельности.

Во-первых, по общему правилу п. 3 ст. 401 ГК РФ, гражданско-правовым договором может быть предусмотрена виновная ответственность предпринима-

теля («смягчение» его ответственности) или его ответственность и за непреодолимую силу («усиление» его ответственности). Что касается профессиональных хранителей, то Высший арбитражный суд РФ ещё в 2012 г. обратил внимание на то, что абз. 2 п. 1 ст. 901 ГК РФ предусмотрено «специальное правовое регулирование оснований ответственности профессионального хранителя, которое не может быть изменено договором хранения» [1]. Впоследствии эта правовая позиция была воспринята арбитражными судами [2].

Во-вторых, единственным основанием исключения ответственности любого предпринимателя по обязательствам по общему правилу является непреодолимая сила. Ответственность профессионального хранителя исключают по действующему законодательству ещё два дополнительных основания: 1) свойства вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать; 2) если утрата, недостача или повреждение вещи возникли в результате умысла или грубой неосторожности поклажедателя. Как верно заметили М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, «для освобождения профессионального хранителя от ответственности недостаточно доказательств того, что он принял все необходимые меры обеспечения сохранности переданной на хранение вещи», которые установлены как общее правило в ст. 891 ГК РФ [3, с. 759–760].

Интересно заметить, что, согласно ст. 427 ГК РСФСР, «организация, для которой хранение является одной из целей деятельности, предусмотренной уставом (положением)», освобождалась от ответственности только при наличии обстоятельств непреодолимой силы. А.Л. Маковский такое правило объяснял следующим образом: «в некоторых случаях ответственность организации, располагающей, по широко распространенному в арбитражной практике выражению, хозрасчетными возможностями, является более строгой, чем ответственность гражданина за такое же по существу противоправное поведение» [4, с. 200].

Рассмотрим подробнее основания исключения ответственности профессионального хранителя за утрату, недостачу или повреждение вещи.

Во-первых, обстоятельства непреодолимой силы. Как показывает анализ судебной практики применения ст. 901 ГК РФ, профессиональным хранителям не удастся доказать наступление обстоятельства непреодолимой силы. Суды деквалифицируют такие обстоятельства в качестве непреодолимой силы и привлекают профессионального хранителя к ответственности.

Так, ещё со времен применения ст. 427 ГК РСФСР, любые виды хищения вещи у хранителя третьими лицами не признаются судами обстоятельствами непреодолимой силы [5; 6; 7]. ВАС РФ ещё в 1998 г., рассматривая спор по договору хранения, постановил, что «кража не является обстоятельством непреодолимой силы» [8]. По другому делу судом было установлено, что переданный на хранение металл был утрачен «в результате разбойного нападения» [9].

Подобные обстоятельства относятся на предпринимательский риск профессионального хранителя.

Зачастую сданное на хранение имущество уничтожается пожарами. Однако для исключения ответственности профессионального хранителя суды хотят доказательств того, что пожар явился следствием природных катаклизмов. При наличии минимального человеческого фактора пожары не признаются обстоятельствами непреодолимой силы. К примеру, имущество было уничтожено в результате пожара соседнего, не принадлежащего хранителю, ангара. При этом тушили пожар в течение тринадцати часов несколько отрядов пожарной службы, были задействованы вертолеты. ВАС РФ сделал вывод о том, что такой пожар всё равно имеет не объективную, а субъективную непредотвратимость, поэтому не является непреодолимой силой [1]. В этом отношении интерес представляет и следующее дело: сданная на хранение лодка была повреждена от падения крана, «сорванного с подкрановых путей из-за сильного порыва ветра». Однако в материалы дела была представлена метеорологическая справка о том, что «порывы ветра в период повреждения имущества истца имели показатели, не достигшие критерия опасного». Поэтому суд не посчитал падение крана случившемся по причине непреодолимой силы [10]. Исходя из такой логики, если бы падение крана произошло от аномально сильного ветра, который был

бы непредвиден и непредотвратим для хранителя, то это обстоятельство могло быть квалифицировано судом как непреодолимая сила.

Если пожар возник по вине третьих лиц (поджог), суды в любом случае привлекают к ответственности профессионального хранителя, полагая, что именно хранитель обязан обеспечить невозможность доступа третьих лиц к имуществу. Так, суд установил, что сданное на хранение хлопковое волокно было уничтожено в результате умышленного поджога посторонними лицами, которые впоследствии были установлены и осуждены. Однако суд принял решение о взыскании убытков с профессионального хранителя [11].

Коммунальные аварии также не оцениваются судами как непреодолимая сила. К примеру, сданный на хранение товар был уничтожен в результате залива водой, случившейся по причине утечки воды из труб пожарного гидранта. Суд указал, что «законом возложена обязанность по соблюдению правил эксплуатации инженерных коммуникаций и оборудования, техники безопасности, санитарных норм и правил противопожарной безопасности на хранителя» [12].

Во-вторых, свойства вещи, о которых профессиональный хранитель не знал и не должен был знать. Примеров применения такого основания исключения гражданско-правовой ответственности хранителя практически нет. По одному из дел суд выяснял причину возгорания автомобиля, переданного на хранение. При этом эксперт сделал вывод, что «причиной пожара является попадание на сгораемые элементы автомобиля внешнего источника зажигания. Причастность внутреннего самовозгорания к возникшему пожару исключается» [13]. Поскольку причины возгорания были внешними, то хранитель за них отвечает. Возможность внутреннего самовозгорания можно отнести к свойствам вещи, о которых хранитель не знал и не должен был знать.

В научной литературе отмечается, что товарный склад в силу ст. 909 ГК РФ обязан при приеме товаров на хранение за свой счет произвести их осмотр, определить количество, а также внешнее состояние, поэтому склад как профессиональный хранитель не может ссылаться на то, что он не знал или не должен был знать об этих свойствах товаров [3, с. 772]. Однако исследователи полага-

ют, что склад-хранитель вправе доказывать, что он хотя и должен был знать в силу обязанности осмотреть, но «не мог знать» о свойствах товаров, так как при внешнем осмотре не мог их обнаружить. Поскольку глаголы «знал», «мог знать» и «должен был знать» в юридическом смысле различаются, возможно, редакцию абз. 2 п. 1 ст. 901 ГК РФ в этой части следует скорректировать.

В научной литературе в целом сделан правильный вывод, что «к обстоятельствам непреодолимой силы по договору хранения не относятся: пожар, грабеж (кража товара), залив на складе, нарушение правил эксплуатации инженерных коммуникаций и оборудования, поскольку они не обладают признаками чрезвычайности и непредотвратимости и поскольку предотвращение этих событий входит в обязанности хранителя» [14, с. 75].

В-третьих, умысел или грубая неосторожность поклажедателя. В настоящее время судебная практика не дает нам конкретных примеров применения такого основания исключения ответственности профессионального хранителя. На наш взгляд, таким случаем может быть, например, изъятие у хранителя имущества судебным приставом-исполнителем по обязательствам поклажедателя. Невозможность вернуть имущество поклажедателю в натуре («утрата его») будет находиться исключительно в зоне ответственности поклажедателя. При этом следует учитывать и положения ст. 404 ГК РФ о смешанной ответственности кредитора и должника, которая ведет не к исключению, а к уменьшению ответственности должника. Здесь стоит обратить внимание на учет не столько вины, сколько поведения поклажедателя. В нашем примере имущество будет «утрачено» не в связи с *умыслом или грубой неосторожностью* поклажедателя, а в связи с его *поведением* (неисполнением своего обязательства, которое привело к возбуждению исполнительного производства и принудительному взысканию).

Важно отметить, что указанные обстоятельства не являются обстоятельствами, «исключающими *вину*» профессионального хранителя, как считают правоприменители [10]. Профессиональный хранитель отвечает независимо от вины, поэтому ему нет необходимости доказывать отсутствие своей вины.

На наш взгляд, является ошибочным мнение и о том, что эти обстоятельства свидетельствуют об отсутствии причинно-следственной связи между поведением хранителя и наступившей утратой имущества. Д.Р. Канаев, комментируя утрату сданного на хранение имущества по вине третьих лиц, пишет, что «с одной стороны, нельзя говорить о том, что утрата стала следствием поведения хранителя, а с другой – нет оснований для освобождения от ответственности. Соответственно, хранитель обязан будет понести ответственность в форме возмещения поклажедателю убытков, несмотря на то, что убытки были причинены не его (хранителя) поведением» [15, с. 137]. В таких случаях утрата вещи стала следствием именно поведения хранителя в виде бездействия – он не предпринял необходимых охранных, санитарных, противопожарных и других мер для обеспечения сохранности вещи.

Рассматриваемые обстоятельства (непреодолимая сила; свойства вещи, о которых хранитель не знал и не должен был знать; умысел или грубая неосторожность поклажедателя) устраняют противоправность поведения хранителя и именно по этой причине исключают его ответственность.

Список использованной литературы

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 июня 2012 г. № 3352/12 по делу № А40-25926/2011-13-230 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 апреля 2015 г. по делу № А56-16007/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011. 1055 с.
4. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
5. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21 октября 1996 г. № Ф04/986-248/А27-96 по делу № А26-1-232/96 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 дек. 1996 г. № Ф04/1247-378/А70-96 по делу № 549/2 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 11 февраля 1997 г. № Ф03-А04/97-1/37 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 9 июня 1998 г. № 6168/97 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 8.

9. Фалькович М.С. Пересмотр судебных актов арбитражного суда по вновь открывшимся обстоятельствам // Вестник ВАС РФ. 1999. № 1.

10. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 11 июня 2010 г. № Ф03-4103/2010 по делу № А51-21353/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 04 июля 2006 г., 27 июня 2006 г. № Ф03-А51/06-1/1760 по делу № А51-6886/98-8-246 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление ФАС Московского округа от 10 декабря 2009 г. № КГ-А40/12303-09 по делу № А40-84294/08-37-811 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 2 февраля 2001 г. № А11-3591/2000-К1-1/151 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Ждан-Пушкина Д.А. Страховой интерес хранителя и обстоятельства непреодолимой силы в договоре хранения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 75–81.

15. Канев Д.Р. Ответственность и риск случайной гибели (повреждения) имущества // Закон. 2013. № 3. С. 134–140.

Информация об авторе

Кузнецова Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса. Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: kuznetsova_psu@mail.ru); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Пермский институт ФСИН России (614012, г. Пермь, ул. Карпинского д.125, e-mail: kuznetsova_psu@mail.ru).

УДК 349.6
ББК 67.401.124

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ БИОТЕХНОЛОГИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БИОЭКОНОМИКИ, БИМЕДИЦИНЫ И БИОПРАВА¹³

В статье предпринимается попытка определения роли и значения биоэтики и биоправа в проводимой государством биополитике. Вопрос рассматривается с позиций концепции четырех «БИО»: биотехнология – биобезопасность – биоэкономика – биополитика. Делается вывод о существенном возрастании роли не только биоэтики, но и формирующегося биоправа в реализации биополитики, то есть политики, направленной на развитие экономики, социальной сферы,

¹³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-29-14063/20 «Правовое регулирование геномных исследований и внедрение их результатов в медицинской практике»).